

ПИШУТ о нем: «Человек с тысячами лиц». А лицо у него, конечно, одно. Вот оно — совсем близко, без грима, без маски, откровенно высветленное солнцем ясного зимнего дня, хозяйничающего в комнате подмосковного санатория, где артист сейчас отдыхает. Райкин сидит, чуть откинувшись на стуле, он серьезен и сосредоточен, ждет вопросов.

— О чем вы думаете перед выходом на сцену, к зрителям?

— Я взволнован. Я не могу думать ни о чем постороннем — только о спектакле. Ощущение, что вот сейчас должно произойти самое важное в моей жизни. Ко мне могут подойти, о чем-то спрашивать — не разговаривая. Помню — надо сыграть множество ролей. Сосредоточенность должна быть большая.

— Как вы реагируете на критику — справедливую и несправедливую?

— Справедливую я принимаю, к несправедливой прислушиваюсь и делаю выводы. Искусство — вещь, которую каждый воспринимает по-своему. У меня нет патента на безошибочность. Смотрю, кто критикует. Критикуя, человек демонстрирует свое лицо. Если он находит недостатки в спектакле, я ему благодарен, часто мне хочется поспорить с критиками... («Смотрите, какая славная пичуга села на балкон! Улетела!..»), У меня был такой случай. Два моих друга (они писатели, умные и тонкие люди) так отцензуровали одну мою миниатюру. Один сказал: «Зачем ты это поставил?». А другой: «Это — замечательно!». Нет двух одинаковых зрителей. Даже у одной матери — разные дети. Я считаю, что критика — тоже искусство, без этого ее быть не может.

— Говорят, юмористы наедине сами с собой мрачные люди. Относятся ли это к вам тоже?

— Не мрачные. Сосредоточенные. Юморист — нормальный человек. Почему он должен все двадцать четыре часа смеяться? Мрачный

тество... В прошлом году я был в гостях у физиков в Ереване, в институте, который возглавляет академик Алиханян. Как участнику декады литературы и искусства РСФСР мне довелось увидеть много перемен в жизни Литвы, которая стала богатой республикой. Я был гостем комсомольцев и молодежи Украины и воинов Группы Советских войск в Германии. Сатирик обязан видеть все. Для этого надо ездить по городам и стройкам, быть свидетелем всего нового.

— Любите ли вы вступать в разговоры с незнакомыми людьми на улице?

— Да, я люблю общаться с людьми — в метро, в магазине, в учреждении, на улице, даже без особой надобности. Я могу сидеть на сквере или в ресторане: вижу людей — значит, я с ними общаюсь. Выступление на сцене — тоже общение. Зрительный зал видит одного человека — актера, а актер в это же время видит тысячу человек — зрителей.

— Откровенны ли с вами люди? Не побаиваются ли они вас как сатирика?

— Для откровенности нужна особая атмосфера. Я получаю нередко письма, в которых люди рассказывают мне о своей жизни, о себе, приводят разные случаи, сообщают и интимные вещи. (Подумав). Обычно побаиваются не сатирика, а злого человека.

— Вы признавались, что преклоняетесь перед гением Чарли Чаплина. Чем же его опыт комика кино поучителен для вас, артиста эстрады?

— Чаплин велик сочетанием смешного и грустного. Есть масса клоунов, которые смешат не хуже Чаплина. Есть замечательные ак-

ющего Свердлова, но, наверное, и у других актеров!

Это «чуть-чуть» очень важно, особенно в нашем жанре театра миниатюр. Актер — это исполнитель, и это и инструмент. Сегодня почему-то скрипка настроена не так, как всегда. Все, что с ним сегодня случилось — горе или радость, непременно отразится на его игре, как бы он ни хотел это скрыть. Даже микроклимат зрительного зала на него действует.

— Вы однажды сказали: «Люблю мыслящую молодежь». Какого вы мнения о современной молодежи?

— «Люблю мыслящую молодежь» — это и есть мой ответ на вопрос. Молодость — это прекрасно. И очень жаль того, кто свой досуг отдает пустякам. Впрочем, эта болезнь с годами проходит.

— Спектакли и фильмы каких режиссеров вы стараетесь не пропускать?

— Спектакли? Всегда в сезоне есть несколько событий, которые нельзя пропустить: это может быть выставка картин, концерт скрипача или пианиста; приезд крупного дирижера, просмотр фильма, который показывают два-три раза «для любителей кино». Просто надо стараться быть в курсе происходящего в искусстве и литературе.

— Какой ответ дали бы вы на предложение сыграть Хлестакова во МХАТе или Шмагу в Малом?

— Мне иногда хочется сыграть ту или иную роль. Как-то мне предложили сыграть шута в «Короле Лире» в Большом драматическом, Хлестакова... Но дело в том, что в моем жанре

талант действительно нуждается в поддержке. Ему надо иногда вот столько (показывает кончик пальца), совсем немного — улыбку, добрый взгляд... И этого порой достаточно на всю жизнь.

(Возвращаемся, когда сумерки становятся густо-синими. Дочь Райкина и его внук уезжают. Беседа возобновляется).

— Где, по-вашему, наиболее благоприятные возможности для эстрадного артиста — на сцене, на радио, в кино или на телевидении?

— Для артиста эстрады — эстрада. Когда он превращается в футболиста на стадионе, чтобы удовлетворить зоологический интерес зрителей, он не оправдывает свое призвание. Есть жанры, с которыми надо выступать на площадях, а есть такие, которые требуют камерной аудитории. Искусство Сергея Образцова, например. Он может выступать и по телевидению, и очень успешно, потому что его там могут показать крупным планом. Я лично предпочитаю выступать перед живыми зрителями. Между актером и зрителем возникает общение, то есть, говоря современным языком, обратная связь. Один зритель может испортить настроение всему залу. Например, актер замечает в партере мрачного человека, и ему от его вида становится не по себе, и он сам мрачнеет, а это в свою очередь передается аудитории. И все удивлены: «Что это с артистом сегодня?». Думаю, что пластинка, зафиксировавшая реакцию зрителей на выступление актера, гораздо интереснее «чистой» записи.

— Вся ваша семья артистическая. Вы сторонник профессиональных династий?

— Дело в том... Мой сын Костя в детстве очень любил животных, рисовал и писал стихи про них. Их даже напечатали в сборнике, который редактировал Самуил Яковлевич Маршак, а рисунки попали на выставку, устроенную Корнеем Ивановичем Чуковским на своей даче в Переделкине. И я подумал, что Костя будет поэтом или художником. Шло время. После участия в биологической олимпиаде его пригласили в специализированную биолого-физико-математическую школу при университете. Вместо игр и забав он с ребятами решал задачи. И мне стало казаться, что мой сын будет ученым. И вдруг неожиданно для всех он подал заявление в Шукшинское училище. До этого он в школе только раз выступил с пантомимой. У него в дневнике я прочитал любопытную записку: «Хочешь быть хорошим человеком? Пожалуйста!». Вероятно, чтобы сказать нечто свое, он и учится на втором курсе. Я с интересом наблюдаю за ним, иногда помогаю советом, пусть идет своим путем.

— Не шокирует ли вас, когда влюбленные целуются на улице, в метро?

— Нет, я считаю, что все это очень условно. В одном учреждении в вежливой форме просят: «У нас не курят». В другом месте, менее тактично: «Простят не курить?». Там, где есть опасность взрыва или пожара, читаем категорическое: «За курение — под суд!». Но я еще нигде не читал: «У нас не целуются!». Вель что такое пошел? Это проявление отношения друг к другу. Никто не удивляется, если люди целуются на вокзале. Ну а почему на вокзале можно, а в метро нет? Или. Допустим, мы на пляже спокойно созерцаем человека в трусах, но стоим ему показывать в таком виде в доме, как все удивлены. Надо обращать внимание не на одежду, а на суть, и нас должна шокировать или восхищать именно суть. Совсем недавно мы боролись не на жизнь, а на смерть с узкими брюками и рок-н-роллом, а когда молодежь уже стала ходить в широких брюках и всюду переставали танцевать рок-н-ролл, мы смирились и с узкими брюками, и затащивали рок-н-ролл... Надо меньше бороться с модой, а больше — с чуждой нам идеологией. Когда хулиган в трамвае пристает к девушке, это шокирует, но еще больше шокирует молчание окружающих пассажиров!

— Какой вид отдыха предпочитаете? Спешите ли вы после спектакля уединиться или вас влечет к людям?

— Хотя обычно после спектакля я измочален окончательно, охотно общаюсь с людьми. Предпочитаю свой дом и близких друзей, перед которыми надо быть самим собой и никого — развлекать. Больше слушаю других, чем говорю сам.

— Вы репетируете обычно утром?

— Да, с одиннадцати утра до трех часов дня.

— Чем чаще всего представляется вам жизнь?

— Иногда она представляется комедией, иногда драмой, иногда трагедией, а порой совершенно неожиданным сочетанием этих трех жанров. Все зависит от человека и его взгляда на действительность. Кто-то может из пустяка устроить трагедию, кому-то жизнь кажется комедией, а кому-то — драмой... Еще Шекспир заметил, что жизнь — это театр, а люди в нем — актеры.

— Если бы в разгар спектакля вы увидели спящего зрителя, что бы вы сделали?

— Постарался бы не обращать на него внимания, хотя он меня очень бы нервировал. Понимаю, что он мог заснуть не обязательно от скуки. Он мог прийти на спектакль уставшим или... Однажды на Чиркистрое во время войны я обратил внимание на человека, который сидел в первом ряду и время от времени с трупом поднимал глаза на сцену. Было впечатление, что его тяготит происходящее. После концерта я узнал, что это был начальник стройки, он пришел на наш спектакль совершенно больной, с температурой сорок.

— Ваш самый главный враг, с которым вы воюете постоянно, — невежество. А кто ваш главный союзник?

— Добро.

...А потом он оделся и пошел нас проводить. Поприветствовал у ворот санатория. Поскрипывая морозным снежком, он уходил от нас по слабо освещенной дорожке к разноцветным квадратам окон, выступавшим из темноты, — обыкновенный волшебник со звонкой фамилией Райкин.

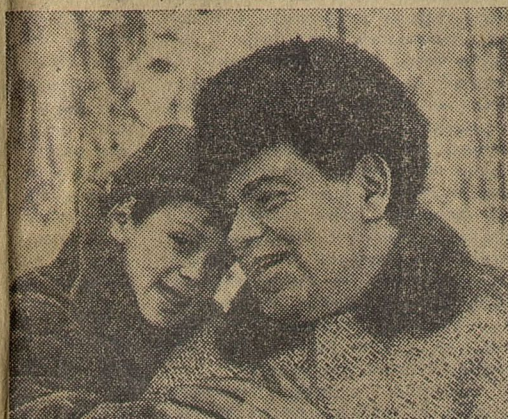
Беседу вел Ким ЛЯСКО.

Фото Ю. Пясецкого.

Аркадий РАЙКИН: МОЙ ГЛАВНЫЙ СОЮЗНИК — ДОБРО!

МИР ХУДОЖНИКА

О чем думает художник, к чему он стремится, в чем видит смысл своего творчества — об этом мы будем рассказывать в новой рубрике, которую сегодня открываем.

Аркадий Райкин с внучкой Алешей.

человек может сказать: «Мне смешно». Это профессиональный подход к делу. Он внутри смеется. Или человек смеется на спектакле, а потом, после спектакля, скажет: «Не смешно». Есть актеры, которые понимают; надо суметь за три часа спектакля успеть показать зрителю то, что ты видел в течение всей жизни, а есть такие, которые начинают играть в жизни, едва проснутся.

— Есть ли у вас ученики?

— Если есть последователи, значит, не зря прожита твоя жизнь, значит, ты не одинокий в своем миропонимании. Например, я неожиданно для себя открыл, что, не учась у Шуккина, Москвина, Тарханова, Мессова, почему-то считаю их своими педагогами. На спектаклях больших актеров учился незаметно для себя. На всесоюзном фестивале студенческих эстрадных театров, где я был в жюри, выяснилось, что их у нас в стране более ста. Мне показалось, что кое-что они взяли у меня. Зрительный зал — соратник актера.

— Как вы относитесь к телепередачам КВН, радиопередачам «С добрым утром»?

— Мне нравятся всякое проявление сатиры и юмора. КВН — это интеллектуальное занятие, тренаж, который любят не только студенты. Я бы сказал, это новый, современный вид зрелища. В других странах подобного нет. В Англии я видел соревнование супружеских пар, которое проводила телевизионная компания: муж подбрасывал блины на сковородке, а их ловила другой сковородкой жена. Самые ловкие получали премии: холодильники, телевизоры, радиоприемники и прочее. В основе этого соревнования была реклама. Это не требовало от участников никакого напряжения мысли.

Думаю, всякая сатира полезна, если она идет от лица доброго человека и направлена на доброе...

— Если бы вам сказали: «Товарищ Райкин! Вы назначаетесь главврачом больницы для людей, лишенных чувства юмора», какой метод их лечения вы бы избрали?

— Если человек лишен чувства юмора, это уже беда. Надо родиться с ним. Уже в детях оно есть. Как этому научить? Это очень трудно. Шолом-Алейхем сказал про талант, что он, как деньги, если они есть, так они есть, если их нет... В Англии в одном учреждении на стене кабинета главного бухгалтера мы прочитали такую надпись: «Не старайтесь меня одурачить: я для этого слишком глуп». И мы поняли, что сочинил это человек с юмором. Без чувства юмора трудно жить.

На дорогах Азербайджана читаешь: «Водитель, у тебя дома дети!» — это действует молниеносно и безотказно. Иногда шутилая фраза может дать очень много. Мне очень мало рассказываем на зрителя и читателя, способного делать свой вывод.

Помню, были мы в Болгарии. В Бачковском монастыре разговорились с архиепископом Ионой. Это был член Всемирного Совета Мира, интересный человек, призывавший к добру. Он сказал мне: «Всякий театр морален». Я удивился: «Всякий ли?». «Вы забываете», — сказал он, — о зрителе, который делает свои выводы». Об этом мы действительно забываем. Даже умные люди не хотят понимать, что теперешний школьник знает больше, чем знал Ломоносов. Мне один военный признался: «Такая теперь молодежь образованная пошла, что мне, верите ли, вбуртываются при них неудобно!».

— Приезжая в незнакомый город, на что вы обращаете внимание прежде всего?

— На все: как живут люди, как идет строи-

тели, которые потрясают зрителей не меньше Чаплина. Есть пьесы, которые трогают до слез. Но ни у кого вы не найдете такого удивительного сплава смешного и грустного, но никто не умеет так защищать маленького человека, как он. Вот что в нем волнует меня...

— Вас называют мастером трансформации. Сколько персонажей создано вами за годы работы на сцене?

— Математика эта меня не волнует. Дело не в количестве ролей, а в том, чтобы что-то запомнилось, осталось, запало в душу. Почему-то мне кажется, что все значительное — у меня впереди. Предстоит сделать больше, чем сделано. В этом году нашему театру исполнится тридцать лет. За эти годы показано двадцать пять спектаклей, в некоторых я играл до тридцати ролей. Но главное не в этом. Пусть фраза, штрих, какая-нибудь ситуация, но запомнится зрителям. Люди воспринимают театр по-разному. Недавно я получил письмо. Мне рассказывают друзья о домработнице, которую они хотели пригласить в дом. Она стала ставить условия: то да се... Они ей говорят: «Вы нам не подходите». А она им: «Мало вас Райкин показывает». Вот как она восприняла мою миниатюру о привередах, подопных ей.

— В последнее время вы отказались от маски и каких бы то ни было атрибутов портретной характеристики своих «героев». Почему?

— Я считаю, что маской можно пользоваться, когда без нее не обойтись. Например, в трансформации, где актер играет одновременно несколько разных персонажей. А в жанре монолога бывает достаточно опустить очки с переносицы на кончик носа (показывает), зачесать челку на глаза, застегнуть пиджак не на ту пуговицу или подтянуть брюки, чтобы придать необходимую характеристику образу. Искусство Ираклия Андроникова всегда меня восхищало. Он так изображает человека, что становится физически похожим на него. А ведь он не пользуется никакими атрибутами. Атрибуты нужны для театральности и то в том случае, если нельзя без них. С годами актер обычно становится экономнее в выразительных средствах, скупее, более тщательно отбирает жест.

— Друзья-актеры вспоминают, что вы отлично пародировали самого себя. Значит ли это, что вы всегда сознаете свои промахи?

— Нет, не всегда я знаю свои промахи. Если бы знал, то постарался бы избавиться от них. Когда я впервые стал заниматься трансформацией, многие стали говорить, что это трюкачество, цирковой жанр и т.д. А я шел на это сознательно, понимая, что трансформация является одним из компонентов театра миниатюр. Переодевался вначале недостаточно быстро, со временем появилась техника. Вообще у нас больше трудностей, чем в драматическом театре.

На днях я смотрел «Большевики» — замечательная пьеса Михаила Шatroва, талантливо поставленная Олегом Ефремовым. Но у меня есть претензии к некоторым актерам. Это хорошо, что вожди революции показаны как живые люди. Но почему они так однообразны в проявлении своей человеческой сущности? Ведь все это люди разные — разные по характеру, по воспитанию, по происхождению. Кто-то говорит чеканно, а кто-то растягивает слова, кто-то гасирует, а кто-то пришепывает, походы у людей разные, по-разному они одеваются и жестикуют. Один человек отличается от другого немногим, но отличается, ну хотя бы «чуть-чуть». И характер должен быть не только у Евгения Евстигнеева, играющего Луначарского, или у Игоря Кваси, игра-

я могу сыграть все, что необходимо для спектакля. Судьбы актеров складываются по-разному: не всегда удается сыграть заветную роль. Тут нужно счастливое стечение обстоятельств: чтобы шла именно эта пьеса, где твоя роль, о которой мечтаешь давно, чтобы именно тебя пригласили на нее, чтобы именно ты по своему возрасту и опыту подошел на эту роль. Часто оказывается: ты слишком молодой для Лира, то ты слишком стар для Ромео. У нас же в театре шел свой, пусть и не полный «Ревизор» Гоголя, прозвучал монолог современного Хлестакова, играл я в нашем театре Плюшкина, Ноздрева... Вряд ли так повезло бы мне в драматическом театре — там в лучшем случае я сыграл бы одну такую роль.

— Как вы лично поступаете, встречаясь в жизни с некоторыми имеющимися кое-где недостатками?

— Показываю их со сцены. По-моему, это самый действенный способ борьбы с ними. Иногда показываю не сразу. Годами хранятся впечатления в кладовой актера, а потом однажды выливаются в образ, характер, персонаж.

— Привлекают ли вас книжные и антикварные магазины, рынки?

— Я люблю книги. Какие? Всякие, букинистические тоже. Я не коллекционер, люблю литературу, а не издания. (Поднимается и с подоконника берет книги). Сюда с собой я взял разные книги (перебирает): «Встречи с Есениным» Шнейдера, Достоевский, «Жизнь театра» Гиацинтовой, «Долуны» Тристана Ремми... А вот присланный Мариэттой Шагинян отклик ее статьи о встречах Горького с Лениным в Сорренто... Антикварные вещи? В результате моих зарубежных поездок скопились кое-какие сувениры. И неожиданно для себя я обнаружил, что стал обладателем коллекции тарелок, которыми заставлен весь дом. Есть произведения живописи, скульптуры... Известный польский публицист Эдмунд Османьчик прислал мне в подарок очень интересный мексиканский лубок на коже, Татьяна Тэсс привезла сувенир из Японии, дочь Катя — из Австрии... Рынок — это интересное зрелище. Собираю характеров, персонажей... Я иногда толкаю своего спутника в бок и говорю: «Смотри, какой интересный грим идет!».

— Как вы относитесь к мемуарной литературе? Пишете ли сами воспоминания?

— Не дошел до этого еще. Мемуары — это пора, когда надо подводить итоги. И потом. Есть так много интересных книг, что я вряд ли что-либо смогу прибавить к ним. Мне кажется, надо очень любить себя, чтобы писать книгу о себе. Когда-нибудь буду писать книгу — не о себе, а о жанре.

(Раздается требовательный стук в дверь. Райкин: «Да, да!». Входит его дочь Екатерина с своим сыном Алешей. Райкин радостно: «Смотрите, кто приехал!». Нас знакомит. Чтобы не мешать встрече, уходим с фотореporterом в холл. Потом все вместе идем гулять. В лесу беседа продолжается).

— Утверждают, что помогать надо только талантам, а бездарности сами пробьются. Что вы думаете об этом?

— Очень хорошо сказано! Чьи это слова? — Это довольно распространенное выражение.

— Не слышал... Я ничего добавлю к этому не могу. Иногда бездарность выдает себя за талант, а приходит день, когда все видит, что это бездарность, что человек всех обманул. А